

Источники

Архив НАН РБ. Папка 25. Д.12 — К.М. Поликарпович. Дневник раскопок стоянки в дер. Елисеевичах, Жирятинского района, Брянской области, РСФСР, с 10 августа до 17 октября 1946 г.

Архив НАН РБ. Папка 25. Д. 9 — В.П. Левенок. Блокнот-дневник раскопок стоянки Елисеевичи в 1946 г.

Библиография

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Природные условия первичного расселения первобытного человека в перигляциальной зоне Восточной Европы // Развитие области многолетней мерзлоты и перигляциальной зоны Северной Евразии и условия расселения древнего человека. М., 1996. С. 23–73.

Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1997.

Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.

Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н., Сапелко Т.В. Палеолитическая стоянка Елисеевичи 1: результаты полевых исследований 2010–2011 гг. // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 80–90.

И.Г. Ширококов, Д.В. Верховцев

ДАННЫЕ КРАНИОЛОГИИ К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИЖОРЫ

В отечественной историографии современная малочисленная народность ижора, проживающая на южном побережье Финского залива, традиционно считается потомками ижоры, упоминаемой в средневековых письменных источниках начиная со второй половины XII в. В самых первых известиях ижора упоминается, как правило, в одном ряду с корелой, водью и лопью, что показывает обособленность ижорского населения от соседей по крайней мере в глазах авторов этих известий. Однако более ранний период в ижорской истории, касающийся происхождения этого населения, не находит однозначной оценки у исследователей. Так как обзор гипотез о происхождении ижоры приводится в нескольких относительно недавних работах (см. например: [Конькова 2008; Сорокин 2008б]),

отметим лишь главные различия между двумя основными версиями. Одна из них предполагает, что ижора является потомками отделившейся части корельского племенного образования (Д.В. Бубрих, А.Х. Лаанест, А.М. Тальгрэн и др.), другая — что формирование ижоры происходило на основе групп автохтонного населения Приневья и южного побережья Финского залива (О.И. Конькова, А.Х. и Х.А. Моора). Обе гипотезы базируются на интерпретации и анализе материалов письменных, археологических и лингвистических источников, тогда как антропологические данные никогда не играли ни ведущей, ни даже значимой роли при рассмотрении этого вопроса, вероятно, главным образом по причине недостатка соответствующих материалов.

Несмотря на традицию возводить современную ижору к ижоре средневековых источников, отметим, что этот тезис требует отдельного доказательства, так как современная ижора проживает исключительно на южном побережье Финского залива, за пределами Приневья, с которым, как правило, и связаны средневековые известия об ижерянах. К тому же самоназвание ижора (*ižorat*), заимствованное из русского языка, стало доминировать на южном берегу Финского залива только в XX в. [Муслимов 2012: 144], тогда как ранее параллельно бытовали этнонимы и лингвонимы с основой *inger-* и *karjal-* [Porkka 1885: 3]. Археологические данные также не позволяют решить этот вопрос, так как средневековые памятники южного Приневья и южного побережья Финского залива не имеют ярких культурных черт, позволяющих связать их с каким-либо известным по письменным источникам населением. Кроме того, культурный облик памятников двух названных регионов нельзя считать идентичным [Сорокин 2008б: 203]. Идентификация групп местного населения в качестве ижорских главным образом опирается на историко-географическую аргументацию.

Таким образом, насущной проблемой этнической истории ижоры является не только выяснение обстоятельств ее этногенеза, но и установление тождества населения, выступающего под этим этнонимом в разные исторические периоды. Определение степени генетического родства между корелой и ижорой, а также между ранне- и позднесредневековыми «ижорскими» группами позволит подтвердить состоятельность одной из двух основных этногенетических гипотез, а также проследить генетическую преемственность населения в традиционном ижорском ареале расселения. Именно этой цели посвящено данное исследование, основанное на анализе всех имеющихся сегодня краниологических материалов, предположительно связанных с ижорским населением.

Учитывая описанные выше затруднения в определении круга краниологических серий, связанных с ижорой, для исследования мы привлекли материалы тех археологических памятников, которые интерпретируются в качестве ижорских авторами раскопок на основе различной аргументации, не вызывавшей нареканий со стороны коллег и нами принимаемой без критики. Всего сегодня существуют четыре таких серии, при этом две из них были опубликованы ранее и две впервые публикуются в данной работе. Краниометрические характеристики серий приведены в таблицах 1–3.

Наиболее поздняя ижорская серия происходит из могильника Липово (Липпово), расположенного на Кургальском полуострове, и датируется XVII–XVIII вв. Главным аргументом в пользу ижорской идентификации могильника является его расположение в местах современного проживания ижорского населения. Раскопки памятника в 1980-е годы проводила О.И. Конькова, краниологическая серия обработана В.И. Хартановичем [Конькова 2008; Хартанович 2004]. В настоящее время коллекция находится на постоянном хранении в МАЭ РАН (колл. 7392). Таблица с краниометрическими показателями, опубликованная в статье В.И. Хартановича, содержит ряд технических ошибок, не позволяющих оценить изменчивость признаков в серии, а исходные бланки индивидуальных измерений к настоящему времени утрачены. Поэтому проведены повторные измерения черепов и заново определены их половозрастные характеристики (как и в первоначальном варианте, все определения основаны исключительно на морфологических признаках черепа). Всего были определены 9 мужских и 2 женских черепа, еще в одном случае пол погребенного установить не удалось. В целом черепа характеризуются широкой и короткой брахикранной коробкой, со средней высоты сводом и среднешироким лбом. Лицевой скелет средней ширины, как правило, низкий или средневысокий, ортогнатный по указателю. Орбиты узкие и низкие, мезоконхные по указателю. Грушевидное отверстие скорее низкое, средней ширины. Нос к линии профиля выступает умеренно.

Вторая серия представлена небольшой выборкой из Шереметевского могильника XIV–XVII вв., расположенного на левом берегу Фонтанки у Шереметьевского дворца в Санкт-Петербурге и исследованного П.Е. Сорокиным в 2004 г. [Сорокин 2008а]. Этот и оставшиеся два могильника рассматриваются в качестве ижорских преимущественно по причине их расположения в границах исторической Ижорской земли. Серия из Шереметевского могильника представлена всего восемью черепами плохой сохранности и ранее не публиковалась. Изученные мужские черепа происходят из погребений, относящихся к позднему

Таблица 1

**Средние значения краниометрических признаков в выборках из могильников
в Порицах (XIV–XVII вв.) и Липово (XVII–XVIII вв.)**

№ призна-ков	Порицы				Липово			Суммарная выборка*	
	♂ X (n)	s	♀ X (n)	s	♂ X (n)	s	♀ X (n)	♂ X (n)	♀ X (n)
1	185.1 (18)	5.5	180.8 (10)	7.2	174.8 (9)	5.4	170.0 (2)	181.9 (33)	178.1 (20)
8	145.9 (18)	5.1	139.8 (10)	5.7	146.3 (9)	3.6	145.5 (2)	145.4 (32)	140.4 (20)
8:1	78.9 (18)	4.5	77.4 (10)	7.2	83.8 (9)	3.8	85.7 (2)	80.2 (32)	78.9 (20)
17	143.4 (16)	5.3	136.5 (4)	4.2	135.2 (9)	4.2	136.0 (2)	140.3 (30)	135.2 (11)
20	123.1 (17)	3.1	118.7 (5)	4.8	116.0 (6)	2.6	117.8 (2)	121.5 (25)	118.7 (9)
5	103.1 (13)	5.4	96.3 (6)	4.9	99.8 (8)	2.7	97.5 (2)	101.2 (25)	96.3 (12)
9	99.8 (17)	3.3	98.0 (10)	4.7	96.9 (10)	2.6	97.5 (2)	98.6 (31)	96.8 (20)
sub.9	20.8 (16)	1.9	21.2 (10)	2.5	19.9 (6)	1.6	20.5 (2)	20.4 (27)	20.7 (18)
УПИЛ	134.9 (16)	3.8	133.4 (10)	3.8	135.5 (6)	2.5	134.5 (2)	135.3 (27)	133.9 (18)
40	97.6 (12)	6.1	91.7 (6)	1.5	93.0 (5)	4.8	-	96.2 (18)	91.6 (7)
43	108.6 (15)	2.7	103.6 (9)	4.6	104.1 (7)	4.1	99.0 (2)	107.1 (25)	102.6 (13)
45	136.8 (13)	4.9	127.4 (7)	3.9	135.3 (4)	6.4	124.5 (2)	136.4 (17)	126.6 (10)
46	98.5 (13)	3.8	91.9 (8)	4.6	94.2 (5)	2.8	88.5 (2)	96.5 (21)	91.1 (11)
48	71.5 (14)	4.0	66.2 (9)	4.0	69.5 (6)	3.1	67.0 (1)	71.1 (23)	66.1 (13)

№ призна- ков	Порицы				Липово			Суммарная выборка*	
	♂ X (n)	s	♀ X (n)	s	♂ X (n)	s	♀ X (n)	♂ X (n)	♀ X (n)
51	43.5 (15)	1.6	41.4 (9)	1.7	40.9 (8)	2.5	40.3 (2)	42.6 (27)	41.0 (15)
52	32.1 (15)	2.0	31.6 (9)	1.7	31.6 (8)	2.4	33.0 (2)	31.8 (27)	31.9 (15)
52:51	73.8 (15)	4.5	76.2 (9)	3.1	78.2 (7)	7.5	82.1 (2)	74.9 (26)	77.9 (15)
54	25.3 (18)	2.0	24.0 (7)	2.2	25.3 (6)	1.7	22.8 (2)	25.2 (29)	23.5 (11)
55	51.3 (16)	3.1	47.4 (9)	2.8	48.7 (8)	3.7	50.3 (2)	50.3 (28)	47.9 (15)
54:55	49.7 (16)	6.0	51.6 (7)	6.2	50.8 (6)	4.7	45.3 (2)	49.8 (26)	49.5 (11)
SC	9.6 (18)	2.2	11.2 (7)	1.3	10.6 (7)	1.7	8.7 (2)	10.0 (31)	9.9 (14)
SS	4.5 (18)	0.9	4.3 (7)	0.4	4.6 (7)	1.0	4.8 (2)	4.6 (31)	4.0 (14)
SS:SC	47.5 (18)	9.1	38.9 (7)	6.0	43.3 (7)	6.1	54.9 (2)	46.5 (31)	40.9 (14)
DC	22.9 (10)	2.9	21.7 (5)	4.2	-	-	-	22.9 (10)	21.7 (5)
DS	12.6 (10)	1.1	10.9 (5)	0.6	-	-	-	12.6 (10)	10.9 (5)
DS:DC	56.0 (10)	9.2	51.7 (5)	8.1	-	-	-	56.0 (10)	51.7 (5)
77	138.8 (14)	5.0	138.7 (8)	4.9	140.1 (7)	3.2	140.1 (2)	140.1 (27)	140.1 (13)
zm'	127.8 (14)	3.5	129.3 (7)	4.0	126.8 (5)	3.8	121.0 (2)	127.9 (22)	127.7 (11)
72	85.4 (13)	3.1	82.8 (4)	4.8	85.0 (5)	2.0	90.0 (1)	85.2 (19)	84.8 (6)
73	87.8 (14)	2.8	86.5 (4)	4.2	87.5 (4)	2.1	95.0 (1)	88.0 (20)	88.3 (6)
75(1)	24.1 (13)	5.2	23.8 (4)	4.5	25.7 (3)	-	25.7 (3)	25.4 (18)	22.5 (6)

* — объединенная выборка ижоры по материалам могильников Порицы, Липово, Покровская, Шереметевский.

**Индивидуальные значения краниометрических признаков
в выборке из могильника в д. Покровская (XIII–XVI вв.)**

№ призна-ков	♂ Ad-mat	♂ sen	♂ Ad-mat	♂ Mat	♀ Ad-mat	♀? sen	♀ Ad-mat	♀? Ad-mat
1	189	195	-	173	169?	178	181	183
8	141	141	-	145	146?	131	139	145
8:1	74.6	72.3	-	83.8	86.4?	73.6	76.8	79.2
17	-	147	-	137	-	134	-	137
20	-	126	-	123	-	114	-	125
5	-	101	-	102	-	98	-	97
9	90	97	-	97	92	95	94	102
sub.9	14.0	18.6	-	18	-	-	19.7	23.6
УПИЛ	143.6	138.0	-	139.3	-	-	134.5	130.3
40	-	-	-	-	-	91	-	-
43	-	107	104	-	101	103	-	-
46	-	95	93	-	-	90	-	-
48	-	-	73	72?	-	67.5	-	-
51	-	43	42	42*	40	40.5	-	-
52	-	29.5	30.5	30.5*	31	32	-	-
54	-	25	24?	24	22	22.5	-	-
55	-	48	50	50	46	50	-	-
SC	-	8.2	9.3	16.7	8.3	9.5	-	-
SS	-	3.2	4.8	6.9	3.5	2.6	-	-
77	143.8?	148.8	149.3	132.4?	150.8	139.4	-	-
Hzm?	-	129.4	134.9	-	128.7?	129.6	-	-
75(1)	-	-	34	-	20?	20	-	-

* — измерения приведены для правой стороны

периоду функционирования памятника, а для женских черепов определение узкой датировки невозможно. Характеристика этой небольшой серии отличается от представленной в Липово, главным образом за счет более вытянутой формы черепной коробки, высокого свода и сильно выступающих носовых костей. Численность серии не позволяет рассматривать эти различия как объективно отражающие территориальную изменчивость ижоры.

Третья краниологическая серия происходит из могильника XIV–XVII вв. в д. Порицы, раскопки которого 2010-е годы проводились экс-

**Индивидуальные значения краниометрических признаков
в выборке из Шереметевского могильника (XIV–XVII вв.)**

№ признаков	Порп.6	Порп.7	Порп.32	?	Порп.3	?	?	?
	♂ Mat	♂ mat	♂ Ad	♂ Mat	♀ Mat	♀ Ad	♀	♀
1	173	181	189	-	169	174?	178	182
8	145	137	-	-	133	139	143	142
8:1	83.8	75.7	-	-	78.7	79.9	80.3	78.0
17	132	138	142?	-	-	117	141	140?
20	-	-	-	-	-	-	-	-
5	88	102	-	-	-	95	-	92
9	95	102	-	105	88	93	98	99
sub.9	-	22.8	-	24.5	19.9	22.5?	14.0	20.7
УПИЛ	-	131.8	-	130.0	131.3	128.4?	148.1	134.6
40	-	96	-	-	-	-	-	-
43	-	108	-	-	-	-	-	-
46	-	88	-	-	-	-	-	-
48	-	71	-	-	65?	64?	-	-
51	-	43	-	-	39	42	-	-
52	-	33	-	-	32	34	-	-
54	-	24	-	25	-	-	-	-
55	-	51	-	-	47	48	-	-
SC	10.5	7.3	-	9.9	8.7	-	-	6.1
SS	5.4	3.0	-	5.9	4.0	-	-	2.2
77	-	144.6	-	140.5?	141.4?	-	-	-
Hzm'	-	124.8	-	-	-	-	-	-
75(1)	-	33	-	слабо	-	-	-	-

педицией под руководством П.Е. Сорокина. Результаты исследования краниологической выборки опубликованы в прошлом году [Широбоков, Сорокин 2015]. В таблице 1 в характеристику серии внесена поправка, касающаяся ширины орбиты. Признак был повторно измерен с учетом межисследовательских расхождений, выявленных по результатам проведения круглого стола в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики». Результаты коннекции показали,

что ранее И.Г. Ширококов несколько завышал значение признака по сравнению с большинством коллег¹.

Четвертая, вероятно, наиболее ранняя из имеющихся ижорская серия происходит из могильника XIII–XVI вв., расположенного в д. Покровская Гатчинского района, всего в 2 км от могильника в д. Порицы. Могильник был обнаружен в ходе прокладки трассы газопровода [Стасюк в печати]. Первоначально выявленные человеческие останки были направлены в морг г. Гатчины. После археологической экспертизы памятника кости были переданы сотрудниками следственного отдела Гатчины СУ СК России по Ленобласти в МАЭ РАН (колл. 7596). Серия состоит из восьми черепов (4 мужских и 4 женских). Возможно, черепа происходят из группы ранних погребений, но поскольку археологическая фиксация останков не проводилась, определение их узкой датировки невозможно. Несколько уплощенный лицевой скелет, среднеширокий лоб и низкие орбиты отличают средние показатели выборки от средней характеристики серии из Пориц. Однако индивидуальные значения признаков укладываются в размах величин в выборке из Пориц, а территориальная и хронологическая близость материалов позволяет проводить их исследование в рамках суммарной выборки.

Несмотря на небольшую численность двух из четырех серий, все ижорские выборки характеризует большая высота свода черепа (абсолютная или относительно длины черепа), среднеширокий или широкий лоб, средневысокий лицевой скелет, уплощенный или с тенденцией к уплощению на верхнем уровне профилировки, с низкими орбитами и мезоринным носом.

Суммарная характеристика ижор вполне ожидаемо сближается с тем специфическим краниологическим комплексом, который выделяет средневековое и близкое к современности карельское население на фоне других прибалтийско-финских групп [Хартанович 1986; Хартанович, Ширококов 2012а]. Как для карел, так и для ижор характерна мезобрахикранная черепная коробка с высоким сводом и среднеширокий лицевой скелет, несколько уплощенный на уровне орбит и клиногнатный на уровне альвеолярного отростка. Различия главным образом связаны с признаками, имеющими высокую внутригрупповую варибель-

¹ Для получения корректного среднего значения ширины орбиты для ранее опубликованных И.Г. Ширококовым серий выведена регрессионная формула: *корректная ширина орбиты* = $7.834 + 0.8 * \text{ширина орбиты}$. Формула была успешно апробирована на двух повторно измеренных ижорских сериях. При этом измерения ширины орбиты в серии из Пориц были коннексированы с В.И. Хартановичем, измерения серии из Липово — с А.В. Громовым.

ность: в объединенной ижорской серии носовые кости к линии профиля выступают более умеренно, а грушевидное отверстие имеет большую относительную ширину.

С целью решения вопроса об антропологических связях ижорского и карельского населения был проведен сравнительный анализ краниологических характеристик соответствующих мужских выборок, основанный на вычислениях матрицы расстояний Махаланобиса. Последние позволяют оценить степень общего сходства между группами с учетом внутригрупповых связей признаков и поправкой на численность серий. Условия, которые являются определяющими для решения поставленной задачи, были сформулированы следующим образом. Если ижорское население в генетическом отношении является потомками отделившейся в период средневековья части карел, при максимально строгом подходе мы вправе ожидать, что средневековые ижорские серии будут иметь большее сходство со средневековой корелой, чем последняя — с поздними группами карел и ижоры. Более того, в этом случае мы также вправе ожидать, что степень морфологической близости средневековой ижоры и корелы будут выше, чем средняя величина того же показателя между поздними группами карел на территории современной Карелии. Между тем, если антропологический состав карел и ижор в эпоху средневековья формировался на основе общего субстрата, а их разделение произошло не позднее периода раннего средневековья, эти условия не будут соблюдены.

Расчет матрицы расстояний Махаланобиса осуществлялся в программе Б.А. Козинцева «CANON» по данным 14 признаков (№ по Мартину и др.): 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, zm, SS:SC, 75(1).

Помимо карельских серий [Хартанович 1986; Хартанович, Ширококов 2012б] для сравнения были привлечены данные по различным средневековым группам населения Северо-Запада России [Седов 1952; Алексеева и др. 1993; Гончарова 2000; Санкина 2000; 2004; 2007; Казарницкий, Ширококов 2014]. С целью снижения выборочного эффекта при изучении краниологической изменчивости ижор в хронологическом аспекте ижорские выборки были объединены в две условные группы — раннюю (Порицы, Покровская) и позднюю (Липово, Шереметевский). Группы могут быть приблизительно датированы XIII–XVII и XVII–XVIII вв. соответственно.

Как показывают расчеты, наиболее близкими для ранней группы ижор являются серия средневековой корелы из Кюлялахти Калмистомяки (-0,13), в меньшей степени — выборки из могильников Верхневольский (0,48), Рутулицы (0,73), Войносолово (0,91). Наиболее близкими

для поздней ижоры являются выборка из погребений в сопках Раглиц (-0,89), серия из кладбища в районе Большой Посадской улицы (-0,76)¹, Горцы Новгородской области (-0,21), серия из каменных ящиков Раглиц (-0,02) и две средневековые новгородские серии (0,77 и 0,90). Среднее расстояние между поздними ижорской и карельскими группами больше (1,31), чем между соответствующими средневековыми сериями, а также больше, чем среднее расстояние между региональными группами карел (0,37). При этом среднее расстояние между средневековыми и поздними карелами меньше (2,56), чем расстояние между ранней и поздней группами ижоры (4,30).

Тот факт, что расстояния между рассмотренными выборками, относящимися к одному периоду, почти всегда меньше, чем между выборками, для которых предполагается существование этнокультурной преемственности, может частично объясняться влиянием эпохальной изменчивости формы черепной коробки. Однако по крайней мере в случае с ижорскими группами, это объяснение нельзя считать достаточным, поскольку различия между ними касаются как мозгового, так и лицевого отделов черепа. При этом с поздними ижорами группа из Пориц и Покровской сближается даже в меньшей степени, чем выборка из Кюлялахти Калмистомяки (2,69). Вероятнее всего, причину этих различий следует искать в особенностях выборки из Липово, преимущественно определяющей краниологический облик поздней выборки. Деревня Липово находится в ареале нижнелужского диалекта ижорского языка, фактически являясь по данным для середины XIX в. ижорским анклавом среди деревень финнов-ингерманландцев [Коеррен 1849]. При этом нижнелужский диалект ижорского в значительной степени отличается от трех других ижорских диалектов, что, по мнению А. Лаанеста, связано с ранними этапами этнической истории нижнелужской ижоры, отличающимися ее от носителей других, более восточных диалектов

¹ Выборка происходит из материалов раскопок могильника, расположенного на Петроградском острове Санкт-Петербурга и частично исследованного в 2011 г. В.А. Лапшиным и А.Ю. Городиловым [Лапшин, Городилов 2013; Казарницкий, Ширококов 2014]. В краниологическом отношении она близка к ижоре, но какие-либо археологические основания для определения этнокультурной принадлежности выборки отсутствуют. Погребальный памятник рассматривается авторами раскопок как кладбище первых строителей Петербурга, функционировавшее короткий период в начале XVIII в. Верхняя граница памятника определяется прокладкой на его территории дороги в 1710-х годах, зафиксированной по историческим источникам (при этом само кладбище не обозначено). Определение нижней границы главным образом опирается на интерпретацию памятника как погребений строителей. Присутствие женщин среди погребенных и лишь частичное обследование памятника не позволяют считать это заключение вполне надежным.

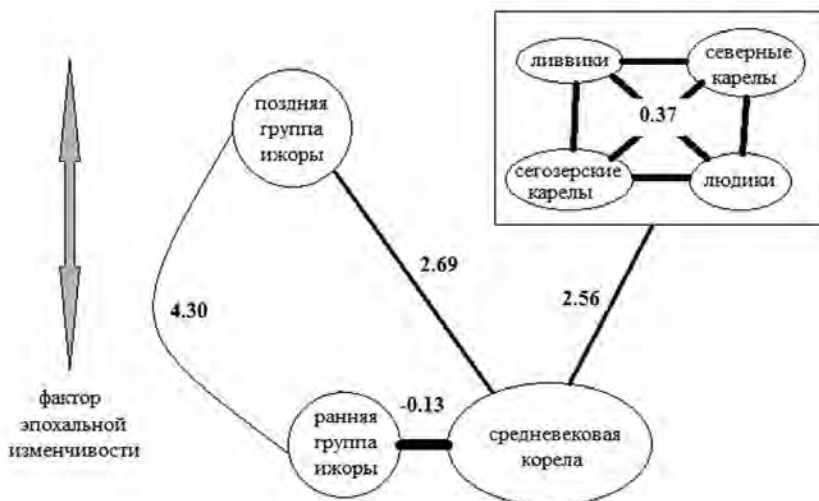

Схема с оценкой общей величины морфологического сходства между краниологическими выборками карел и ижоры, построенная на основе матрицы расстояний Махаланобиса. Толщина линий положительно связана со степенью сходства между группами, числами обозначены конкретные расстояния Махаланобиса

[Лаанест 1966: 161]. Возможно, эти различия затрагивают и круг генетических связей нижнелужского населения. Таким образом, значительные отличия в морфологии ранних и поздних предположительно ижорских черепов может быть объяснено: 1) включением в состав локальных групп ижорского населения, первоначально сходного с карельским, групп иного краниологического типа и иного происхождения; 2) различным происхождением курголовской (Липово) и приневской (Порицы, Покровская) ижоры. Отметим, что указанные при описании серий отличия выборки из Шереметевского могильника от липовской сближают первую со средневековой карелой, хотя небольшая численность серии и не позволяет оценить значимость этого наблюдения.

В схематичной форме основные результаты сравнительного анализа представлены на рисунке. Они свидетельствуют о том, что в эпоху позднего средневековья на территории Приневья проживало население, обладавшее высокой степенью сходства с обитателями Северо-Западного Приладожья, более высокой, чем связывает последних и поздние карельские группы. При этом в кругу известных сегодня средневековых материалов, происходящих с территории к югу от Северо-Западного

Приладожья, морфологическое сходство приневских групп со средневековой корелой носит наиболее выраженный характер. Эти наблюдения наилучшим образом согласуются с гипотезой о том, что приневская ижора является потомками части карельских групп, в эпоху средневековья освоивших районы Приневья. В то же время эта гипотеза недостаточна для объяснения формирования краниологического типа кургаловской ижоры. Имеющиеся сегодня краниологические данные не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть автохтонную гипотезу о происхождении ижорских групп за пределами Приневья.

Этот вывод может считаться вполне надежным, если рассматривать проблему о происхождении ижоры именно как задачу выбора той из существующих историко-археологических гипотез, которая обеспечена наиболее сильными аргументами в краниологическом материале. Но при этом мы пока не в состоянии выдвинуть самостоятельную гипотезу о происхождении ижоры, которая была бы надежно обоснована материалами в рамках исключительно антропологических исследований. Характеристики средневековых выборок карел и ижор близки, но неидентичны. Средневековое ижорское население отличается более крупными размерами лицевого скелета и менее выступающими носовыми костями. Эти различия могут быть связаны с локальной изменчивостью средневековых карел, о которой мы пока имеем весьма слабые представления. Краниологическая характеристика последних в настоящее время опирается на материалы единственной серии — из могильника Кюлялахти Калмистомяки. Кроме того, для эпохи раннего средневековья нам неизвестны близкие карело-ижорским сериям выборки не только на территории к югу Северо-Западного Приладожья, но и в предполагаемой области формирования и расселения средневековой корелы. Впрочем, следует отметить, что последнее обстоятельство связано именно с отсутствием антропологических данных для сопоставления, а не с тем, что искомым краниологический комплекс не удастся обнаружить в каких-либо группах населения региона.

Тем не менее результаты проведенного исследования можно считать достаточными для постановки двух взаимосвязанных вопросов 1) о различном происхождении по крайней мере некоторых диалектных групп ижоры (в частности, нижнелужской группы) и 2) об отсутствии полной исторической, этнической и генетической преемственности между приневской ижорой средневековых письменных источников и ижорой, проживавшей в XVII–XX вв. за пределами исторической Ижорской земли (Приневья).

Библиография

Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В. Ранние этапы освоения Русского севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993. С. 3–78.

Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами их происхождения // Народы России: от прошлого к будущему. Антропология. Часть 2. М., 2000. С. 66–94.

Казарницкий А.А., Широбоков И.Г. Результаты антропологического исследования скелетных останков из материалов раскопок кладбища начала XVIII в. на Большой Посадской улице // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб., 2014. С. 387–396.

Конькова О.И. Ижора и Корела. Проблемы ранней дифференциации // Русский Север. К проблемам локальных групп. СПб., 1995. С. 43–62.

Конькова О.И. Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008. С. 9–32.

Лаанест А. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966.

Лапшин В.А., Городилов А.Ю., Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 г. (раскоп 1) // Бюллетень Института истории материальной культуры (охранная археология). 2013. № 3. С. 25–34.

Муслимов М.З. «Народная диалектология» в нижнелужском ареале // Acta linguistica Petropolitana. Т. VIII. Ч. 1. СПб.: Наука, 2012. С. 135–193.

Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000.

Санкина С.Л. Антропология средневекового населения Русского Севера (X–XIV вв.) // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез. Сборник к 75-летию И.И. Гохмана. СПб., 2004. С. 83–107.

Санкина С.Л. Материалы к проблеме заселения Ижорского плато: могильник Ново-Сиверская-2 // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб., 2007. С. 202–206.

Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // Краткие сообщения Института этнографии. 1952. Вып. 15. С. 78–85.

Сорокин П.Е. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008а. С. 88–127.

Сорокин П.Е. Ижора в эпоху средневековья (к вопросу о происхождении и ранней истории). // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. СПб., 2008б. С. 177–215.

Стасюк И.В. Могильник в д. Покровская — новый памятник средневековой ижоры в долине р. Славянки // Археология и история Пскова и Псковской земли (в печати).

Хартанович В.И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 117.

Хартанович В.И. Краниология ижор // Расы и народы. Вып. 30. М., 2004. С. 96–124.

Хартанович В.И., Ширококов И.Г. Антропология средневекового населения Северо-Западного Приладожья (по материалам могильника Кюлялахти Калмистомьяки) // Бельский С.В. Могильник Кюлялахти Калмистомьяки в Северо-Западном Приладожье: археологические исследования 2006–2009 годов. СПб., 2012а. С. 223–238.

Хартанович В.И., Ширококов И.Г. К проблеме формирования антропологического состава населения «Лопских погостов» (по краниологическим материалам могильника XVII — начала XIX века. Алозеро) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012б. № 2. С. 141–152.

Коеппен Р.В. Ethnographische Karte des St. Peterburgischen gouvernements angefertigt und erläutert von Akademiker. Dr. P.V. Koeppen, 1849.

Porkka V. Über den ingrischen Dialekt: mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors: JC Frenckell, 1885.